

RU

Современный поэтический текст:
проблемы лингвистической интерпретации
(на материале окказиональной лексики стихотворений В. Коваля)

Серегина Е. Е.

Аннотация. Цель исследования заключается в установлении семантики окказиональных слов в экспериментальном поэтическом тексте В. Коваля. Особое внимание уделяется концептуальному «прочтению» стихотворения. Научная новизна исследования состоит в том, что на ранее не изученном языковом материале окказионализмы одного словообразовательного гнезда рассматриваются как репрезентанты комплекса значений и образной системы стихотворения; их смысловое декодирование зависит от авторского замысла, читательской пресуппозиции и не исключает возможности уточнения и переосмысления. Полученные результаты исследования показали, что морфемная структура и значение словообразовательных формантов окказионализмов могут иметь различное истолкование. В соответствии с данной особенностью семантика авторских слов в поэтическом тексте получала вариативную трактовку. Внимание поэта к народному слову обусловило привлечение данных диалектной и исторической лексикографии. Тщательная проверка по имеющемуся словарному фонду помогла обнаружить, что некоторые из слов стихотворения совпадают с реально функционирующими в русских говорах и памятниках письменности лексическими единицами. Смысловые нюансы в значении окказионализмов открывают широкие возможности для истолкования содержания поэтического текста. В заключительной части статьи предлагается прозаический аналог стихотворения, который может быть одним из возможных вариантов его концептуального прочтения.

EN

Modern poetic text: Problems of linguistic interpretation
(based on the occasional vocabulary of V. Koval's poems)

E. E. Seregina

Abstract. The aim of the study is to determine the semantics of occasional words in an experimental poetic text by V. Koval. Particular attention is paid to the conceptual “reading” of the poem. The scientific novelty of the study lies in the fact that using previously unexplored linguistic material, occasionalisms of one word-formation family are considered as carriers of a complex of meanings and representatives of the figurative system of the poem; their semantic decoding depends on the author's intention, the reader's presupposition and does not exclude the possibility of clarification and rethinking. The obtained results showed that the morphemic structure and meaning of word-formation formants of occasionalisms can have different interpretations. In accordance with this feature, the semantics of the author's words in the poetic text received a variable interpretation. The poet's attention to the folk word determined the involvement of dialectal and historical lexicography data. A thorough check of the available vocabulary helped to discover that some of the words in the poem coincide with actual lexical units functioning in Russian dialects and written monuments. Semantic nuances in the meaning of occasionalisms open up wide possibilities for interpreting the content of the poetic text. In the final part of the article, a prose analogue of the poem is proposed, which may be one of the possible options for its conceptual reading.

Введение

Индивидуально-авторские слова являются неотъемлемой составляющей поэтической речи, той области, в которой осуществляется рефлексия над языком, а сама языковая система испытывается на прочность и потенциал. Богатый и разнообразный материал по использованию авторских слов представляет поэзия XXI века, нередко сочетающая экспериментальное начало и фольклорную тематику. Актуальность данной работы

обусловлена тем, что интерпретация окказионализмов в экспериментальном поэтическом тексте, изучение их роли в художественном замысле произведения требуют дальнейших исследований, а методика анализа нестандартных языковых форм нуждается в развитии и уточнении. В представленном исследовании термины «лексический окказионализм», «авторское новообразование», «индивидуально-авторское слово» взаимозаменяемы: это содержательно и формально уникальное слово, не зафиксированное в современных толковых словарях русского литературного языка, созданное в рамках конкретного поэтического текста внетиповым или «общезыковым» способом словообразования. Теоретические вопросы неологии, такие как причины словотворчества писателей, описание способов незуального словообразования, разграничение собственно окказиональных и потенциальных слов, в данной статье не рассматриваются. Как отмечается исследователями, «в современном языкознании не существует единого мнения относительно лингвистического статуса таких инноваций в системе языка, как окказионализмы, неологизмы и потенциальные слова» (Филипчик, 2021, с. 354).

Перед автором стоят следующие задачи: 1) провести словообразовательный и семантический анализ лексических окказионализмов; 2) сопоставить авторскую лексику с реально зафиксированными словами народной речи; 3) представить концептуальное истолкование поэтического текста в формате прозаического переказа для целостного восприятия смысла экспериментального стихотворения.

В настоящей статье применяются следующие методы исследования: метод анализа структуры и семантики авторских слов, позволяющий обозначить деривационную модель, по которой создан окказионализм, определить значение словообразовательного форманта и сформулировать лексическое значение слова; дистрибутивный метод, детализирующий смысловые нюансы окказионализмов на основании ближайшего контекстуального окружения; метод словарных дефиниций для выявления потенциальных производящих лексического окказионализма; герменевтический метод для понимания, интерпретации и объяснения экспериментального поэтического текста.

Материалом исследования послужил поэтический сборник В. С. Коваль «Наставки и умудрения», в частности, одно из стихотворений поэтического цикла было выбрано для структурно-семантического анализа окказиональных слов с применением герменевтического подхода. При необходимости привлекались другие стихотворения автора, а также воспоминания о поэте:

- Айзенберг М. Поиски жанра // «Самый лучший отрезок нашей жизни»: ко дню рождения Виктора Коваль. 29 сентября 2021 г. https://arzasmas.academy/mag/1015-koval_dr;

- Коваль В. С. Бету'ла пенду'ла (стихи) // Знамя. 2002. № 6. <https://magazines.gorky.media/znamia/2002/6/betu-la-pendu-la.html>;

- Коваль В. С. Наставки и умудрения // Новый мир. 2017. № 6 (1106).

В качестве лексикографических источников были задействованы следующие словари:

- Гістарычны слоўнік беларускай мовы / склад. А. М. Булыка і інш. Мн.: Навука і тэхніка, 1989. Вып. 9;

- Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016;

- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК) / гл. ред. А. С. Герд; отв. ред. О. А. Черпанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. Вып. 2;

- Словарь русских народных говоров (СРНГ) / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1972. Вып. 8.

Теоретической базой исследования послужили труды Е. А. Земской (2005), Н. А. Янко-Триницкой (2001), И. С. Улуханова (1996), посвященные описанию способов новообразований и кругу значений, который выражается различными формантами. Важное значение для данного исследования имел «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» В. В. Лопатина и И. С. Улуханова (2016), который является не только фундаментальным описанием деривационной системы русского языка, но и содержит важнейшие теоретические положения в области морфематики и словообразования, в частности существенные для данного исследования вопросы: степень продуктивности аффиксов, явление омонимии, описание морфонологических явлений. Ключевым аспектом исследования явилась проблема интерпретации окказионализмов в общем замысле экспериментального поэтического текста, поиски ее решения стали возможны благодаря трудам Т. Б. Радбиля (2017), Н. Г. Бабенко (2019), Л. В. Зубовой (1989; 2000; 2021), описывающим особенности языковой аномалии в художественном тексте, принципы исследования окказионализмов разных типов, а также изобразительные возможности авторских слов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов при разработке курсов по словообразованию и методике анализа поэтического текста. Материалы статьи могут быть применены для дальнейшего исследования творчества В. С. Коваль.

Обсуждения и результаты

Виктор Станиславович Коваль (1947-2021) – актер, художник, но прежде всего поэт, проявлявший склонность к активному словотворчеству. В 2017 году в журнале «Новый мир» были опубликованы его стихи под названием «Наставки и умудрения». Поэтический цикл носит экспериментальный характер, представляя собой сплав авангарда и фольклора. Это хорошо видно на примере авторской трансформации русской пословицы *Будь взях, будь и дах*, послужившей основой для создания одного из стихотворений сборника: *Блюди даху свою. Что даха даст – то и взяха взяст. А ты выпестуй жжду – вот радость!* (Серегина, 2024, с. 20-32).

Название поэтического цикла «Наставки и умудрения» репрезентативно в литературоведческом аспекте. Небольшие по объему стихотворения близки малым фольклорным жанрам – присловиям, поговоркам,

пословицам: *Корми работников своих, как ешь сам, ибо вместе ходите. Не говори всуе: «Суя». Пустое множить – отверсту звать. Мрозьке, зьмуке-зьмуцей, не говори «мрза лютодрыжная».* Так же как и пословицы, многие стихи В. Ковалья характеризуются выразительностью и лаконичностью. Автор предлагает читателю подобие паремии, но поэтической, рожденной из своего личного опыта. По воспоминаниям поэта Михаила Айзенберга (2021), «свои сентенции особого рода» Коваль назвал «моя народная мудрость». «Это очень точное самоопределение: мудрость Ковалья фольклорна – то есть именно народна».

Сильная позиция отглагольных субстантивов *наставки* и *умудрения* как заглавных слов поэтического цикла раскрывает языковую стратегию автора: это новизна и контраст. Текстобразующей единицей выступает окказиональное слово, а выразительность усиливается за счет стилистического разрыва между лексикой. Так, в названии сборника окказионализм *наставки* соседствует с церковнославянизмом *умудрения*, который фиксируется только в исторических словарях русского языка. Таким образом, автор сознательно «обнуляет» нравоучительный тон взятых из житейского опыта наблюдений. Это способ выражения собственного я Виктора Ковалья – «**моя народная мудрость**» (выделено автором. – Е. С.). Как пишет Л. В. Зубова, «форма слова, на которой сосредоточено внимание авторов, нередко становится показателем отношения человека к жизни, выразителем социальных, идеологических и психологических факторов, а иногда и поведенческих установок» (2021, с. 7).

Приведем одно из стихотворений поэтического цикла полностью для дальнейшего анализа.

Посади чад вокруг едалища.

Скажи:

– Вся едовину не уешь. А она – тебя?

Ответят:

– Целует в уста, едовина ненасытная. Снедает, снедаема.

Каждому дай его едло, едолю его.

И неедальцам – также (Коваль, 2017, с. 119).

Основу стихотворения формирует тематическая группа слов с базовым глаголом *есть* ‘принимать пищу’: *едалище, едовина, уесть, снедать (снедаема), едло и неедалец*. Это гнездо авторских новообразований, кроме двух звеньев – глаголов *снедать* и *уесть*, которые фиксируются в толковых словарях русского литературного языка. Особенности образования и значения существительного *едаля* будут рассмотрены отдельно. Анализ стихотворения, в основе которого заложено единое словообразовательное гнездо, представляется продуктивным, так как «при синхронном подходе к исследованию авторских неологизмов результативным является их рассмотрение в рамках не только (возможно, и не столько) словообразовательной цепочки, а словообразовательного гнезда родственных слов, функционирующего в тексте: его элементы в текстовой ткани могут не соблюдать последовательности словообразовательной цепочки, но в то же время быть речемыслительно связанными» (Семеновская, 2024, с. 207).

Окказионализм первой строки стихотворения *едалище (Посади чад вокруг едалища)* предполагает множественность словообразовательного истолкования. Во-первых, слово интерпретируется как отглагольный субстантив: *есть (ед-)* > *ед-алищ-е* (‘то, на чем едят, стол’), как *сесть* > *сед-алищ-е* (‘то, на чем сидят, стул’): *Посади чад вокруг едалища* следует понимать как ‘посади чад вокруг стола’. Вместе с тем словообразовательное значение алломорфа *-алищ(е)* также может указывать на место действия (как *жить* > *жи-лищ-е*) и на объект действия (как *зреть* > *зре-лищ-е*).

Иной способ реконструкции предполагает, что дериват *едалище* находится на второй ступени словообразования: *есть (ед-)* > *едало* > *ед-алище*. В качестве недостающего шага в словопроизводстве можно указать существительное *едало*, которое по структурным особенностям сближается с просторечными словами, называющими части тела: *нюха-л-о* ‘нос’, *хлеба-л-о* ‘рот’, *дых-ал-о* ‘горло’ (Лопатин, Улукханов, 2016, с. 478). Примечательно, что слово *едало* широко распространено в диалектах и фиксируется в «Словаре русских народных говоров» в значениях: ‘рот’; ‘лицо’; ‘нижняя челюсть, скула’ (СРНГ, 1972, с. 319): *Орловцы называют глаза гляделками, так же как рот едалом* (И. С. Тургенев «Певцы»). В соответствии с представленной реконструкцией *едалище* является дериватом существительного, а суффикс *-ищ(е)* имеет увеличительное значение. Истолкование окказионального слова можно представить следующим образом: *едалище* – это ‘нечто больших размеров, предназначенное для того, чтобы поглощать’.

Тщательная проверка по имеющемуся фонду диалектной лексикографии помогла обнаружить существительное *едалище* в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей». Оно выступает с пометой «экспрессивное» и обозначает человека, «который много и с аппетитом ест. *Тожо еще едалище ты, обжора, выть маленька, аппетиту нету, а кто как едущий, вот едалище*» (СРГК, 1995, с. 20). Диалектизм территориально ограничен говорами Карелии, его употребление фиксируется только в Кемском районе. Данное слово представляет классический пример синекдохи: перенос части – *едалище* как ‘большой рот’ на целое – *едалище* как ‘прожорливый человек’. Реально зафиксированный пример, а также переносное значение слова подтверждают возможность словообразовательной реконструкции окказионализма с экспрессивным суффиксом *-ищ(е)*: *есть* > *ед-ал-о* > *ед-ал-ище*. Нам неизвестно, был ли знаком В. Коваль с данным лексикографическим изданием, но авторское новообразование в этом стихотворении оказалось созвучным реально функционирующему в русских говорах слову.

Итак, возможность словообразовательной развилки и реальная фиксация слова в народной речи позволяют интерпретировать окказионализм как единицу, балансирующую на грани смыслов, поэтому финальная дешифровка «наставки» может быть представлена в нескольких вариантах:

1. *Посади чад вокруг того, на чем едят, / где едят, / вокруг того, что едят (едалище* – отглагольный субстантив с суффиксом *-(а)лищ(е)*; значения: ‘предмет’; ‘место действия’; ‘объект действия’).

2. *Посади чад вокруг того, что обладает большими размерами и способно поглощать* (едалище – отсубстантивный дериват с суффиксом *-ищ(е)*; увеличительное значение).

3. *Посади чад вокруг некоего субъекта, обладающего хорошим аппетитом* (в соответствии со значением слова *едалище* в областном словаре).

Дважды в стихотворении встречается слово *едовина*: – *Всю едовину не уеши. А она – тебя? Ответят: – Целует в уста, едовина ненасытная. Снедает, снедаема*. Сегменты *-овина, -ина*, которые выделяются в данном слове, представляют значительную трудность для интерпретации, так, в современном русском языке суффикс *-ин-а* «едва ли не самый многозначный» (Максимов, 1969, с. 45). Контекстуальное окружение окказионализма показывает, что в его значении заложена как субъектность, которая проявляется в способности к активному действию (*едовина целует, снедает*), так и объектность (*Всю едовину не уеши*). Можно ли в данном слове выделить суффикс, обладающий набором подобных значений? На первый взгляд, как будто подходящим словообразовательным формантом является сегмент *-ин(а)* со значениями ‘лицо – носитель признака’ и ‘совокупность чего-либо’. В качестве производящей в этом случае следует указать основу прилагательного с суффиксом *-ов-* *едовый* ‘годный в пищу’. Потенциально мотивирующее прилагательное *едовый* (и *едовой*) в значении ‘годный для еды, вкусный’ достаточно широко представлено в русских говорах. В северном наречии *едóвый* используется в переносном значении ‘язвительный, злой, сварливый’ (Арх., Волог.) и как ‘имеющий хороший аппетит’ (Сев.-Двин.) (СРНГ, 1972, с. 322-323).

Исходя из сказанного выше, словообразовательная реконструкция окказионального слова может быть представлена в следующих вариантах: 1) *едовый* > *едов-ин-а* ‘субъект, склонный к поглощению пищи, прожорливый’ (сущ. общего рода), как *жадный* > *жад-ин-а* и 2) *едовый* > *едов-ин-а* ‘совокупность продуктов, годных к употреблению’, как *гороховый* > *горохов-ин-а* ‘гороховая ботва’. Обратим внимание, что в примере *гороховый* > *горохов-ин-а* базовым словом в словообразовательной цепочке выступает существительное, а в окказионализме – глагол: *горох* > *гороховый* > *гороховина* и *есть* (*ед-*) > *едовый* > *едовина*.

Отметим, что деривационный путь в отношении существительного *едовина* ‘лицо – носитель признака’ наталкивается на ограничения. Во-первых, в узуальном словообразовании производные субстантивы с суффиксом *-ин(а)* не представлены от основ прилагательных на *-ов-*: *ехидина* < *ехидный*, *страхолюдина* < *страхолюдный*, *вредина* < *вредный* (Лопатин, Улуханов, 2016, с. 374-375), во-вторых, от основы мотивирующего прилагательного при образовании слова отсекается суффикс (*безобразный* > *безобраз-ин-а*).

Таким образом, стоит признать, что значение действующего субъекта в окказионализме *едовина* поддерживается в основном содержанием стихотворения, но не исчерпывается им. Субъектно-объектное значение проецируется и на уровень грамматики: *Целует в уста, едовина ненасытная. Снедает, снедаема* (выделено автором. – Е. С.). Сочетание формы личного глагола *снедает* и образованного от него страдательного причастия *снедаема* представляет оппозицию «актив – пассив»: то, что предназначено для еды (надо полагать, что это *едовина*), обладает способностью поесть.

Итак, суммируя возможные значения словообразовательного форманта, грамматические показатели, диалектные данные и поэтический контекст, определим примерное лексическое значение слова *едовина* как ‘то, что можно принять в качестве пищи’ и одновременно ‘то, что может поглотить, нечто прожорливое’.

Обратимся к последним строкам стихотворения: *Каждому дай его едо, едолю его. И неедальцам – также*. Слово *едоля* является созвучным остальным текстообразующим единицам (*едалище, едовина* и т. д.), но как будто чуждым в этом деривационном ряду. Судя по флексии, это существительное женского рода 1 склонения в форме ед. ч. вин. п.: *едол-ю* *его*. Морфемная структура слова неоднозначна. Даже если отрезок *ед-* определить в качестве корня, как и у других слов словообразовательного гнезда (*едалище, едовина* и т. д.), то сегмент *-ол’-* было бы логично обозначить как суффикс. Однако в нормативном словообразовании такой суффикс представлен у существительных женского рода 3, но не 1 склонения (ср. *опух-оль*). Если рассматривать отрезок *едол’-* как корень, то он не семантизируется. Таким образом, строго информативным остается только окончание, указывающее на грамматические характеристики существительного.

Однако лексическая единица, как будто чуждая по происхождению словам с корнем *ед-*, но фонетически близкая им, вряд ли может быть случайной, тем более что прием сближения созвучных, но разнокорневых слов встречается и в других стихотворениях этого цикла: *Обло облако; тучно, улутучно*. Является ли слово *едоля* только отзвуком к предыдущему слову, приматом звука над смыслом? Или все же оно подлежит истолкованию? На наш взгляд, данную единицу, притом что она представляет и фонетическую импровизацию, можно рассматривать как слово-стимул, формирующий у читателя ассоциацию со словом *доля*, которое в литературном языке имеет два значения: ‘часть целого’ и ‘участь, судьба’. Одно значение, если опираться на базовый глагол *есть* и однокоренные слова, действительно встраивается в объективное содержание стихотворения: *Каждому дай его... едолю*, то есть долю, как часть пищи; а другое – открывает иной смысл: *Каждому дай его... едолю*, то есть его участь. Таким образом, стихотворение может быть построено на метафорическом сближении явлений из разных категориальных сфер – материальной и идеальной: базовый глагол, обозначающий обыденный, но критически важный для человека процесс *есть* ‘принимать пищу’, переосмысливается как *есть* ‘принимать, усваивать, переваривать судьбу’. В соответствии с такой логикой можно полагать, что данная единица и в словообразовательном аспекте представляет собой результат соединения двух слов в одно («междусловное наложение»): *есть* (*ед-*) + *дол-я* = *едоля* по типу *считатели* (*считать* + *читатель*), *камазонки* (*Камаз* + *амазонки*) (Улуханов, 1996, с. 52-53). Окказионализмы, образованные способом контаминации, наиболее полно обнаруживают тропическую образность (Ковалевич, 2019, с. 37).

В русской литературе встречается прецедент переформатирования общеупотребительного слова в окказиональное с использованием глагола *есть* 'питаться', это можно увидеть в романе А. Белого «Петербург». Так же как и в стихотворении В. Ковалья, в данном случае осуществляется наложение значений разного категориального статуса (ментального и бытийного) в одной лексической единице: *есть* + *доля* > *едоля* (Коваль), *есть* + *истина* > *естина* (Белый):

«Кругом раздавалось:

- “Ешь, ешь, друг...”
- “Отхвати-ка мне говяжьего студню”.
- “В пище истина...”
- “Что есть истина?”
- “Истина – естина...”».

И последний аргумент к предложенной нами интерпретации слова *едоля*. Тема судьбы недвусмысленно раскрывается сразу же в следующем стихотворении этого поэтического цикла, однако она воплощается в более узнаваемый образ:

Побируха сорница озорница, попрядуха,
ветреница, веретенница,
без рубахи по дороге идёт, пыль столбом подымает:

– Вот оно – веретено!

Кто увидит – блеск того взнищит!

Веретенница – это собирательный образ судьбы, как парки или мойры в античной мифологии: *Парки дряхлые, прядите Жизни спутанные нити, Ты шуми, веретено* (Д. Мережковский «Парки»). В одном из своих «несерьезных» стихотворений «Передряга» (*Со мною случай на метро «Арбатской» Произошёл весьма дурацкий*) В. Коваль (2002) написал: *Да. Я о фатуме, конечно, повествую*. Данный пример многое объясняет в мировоззрении поэта и его творческой манере: это сочетание обыденного и фатального, комического и серьезного, языковой игры и кропотливой лингвистической работы.

Представляет интерес в этой же строке и слово *едло*: *Каждому дай его едло, едолю его*. Инерция восприятия сложного, экспериментального текста может сформировать даже у подготовленного читателя представление о том, что любое нетривиальное слово является авторским изобретением. К такому выводу направляет и отсутствие лексической единицы в народной речи, современных и исторических толковых словарях русского языка. Однако обращение к расширенному кругу лексикографических источников позволило найти существительное *едло* в «Историческом словаре белорусского языка»: «Едло, идло наз. *Ежа, трава*», то есть это ‘еда, пища’ (Гістарычны слоўнік..., 1989, с. 170). Неизвестно, было ли знакомо старобелорусское слово В. Ковалю, но показательно, что в своем сборнике поэт действительно использует лексические единицы из других славянских языков, например сербское прилагательное *мршав* ‘худой, тощий’: *Шупл тоц в худобе своей, да жив, пока костн и мршав*. С другой стороны, существительное *едло* может быть и авторским изобретением – отглагольным субстантивом, образованным при помощи суффикса *-л(о)* ‘орудие, приспособленное для совершения действия’ по типу слов *седло, скребло*. В этом случае значение окказионализма близко группе существительных со значением ‘столовый прибор, то, чем едят’. Вариативность интерпретации слова *едло* как ‘еда’ в соответствии с данными старобелорусской письменности и как ‘прибор для еды’ в соответствии с авторским новообразованием в целом не противоречит содержанию стихотворения: *Каждому дай его едло* – ‘его пишу’ или ‘то, чем едят’.

Словообразовательный и семантический анализ окказионализмов показал, что в представленном стихотворении заложены широкие возможности для истолкования его содержания. Начнем с того, что после первого прочтения стихотворения его сюжет более или менее понятен читателю. Смысл, лежащий на поверхности, – это беседа-назидание в кругу семьи (*Посади чад... Скажи...*) за принятием пищи (лексика, восходящая к базовому глаголу *есть*). Дополнительный эффект от использования окказионализмов в диалоге «взрослый – ребенок» заключается в том, что автор порождает особую коммуникативную ситуацию, в соответствии с которой происходит как бы сближение с речью детей, также активно использующих словообразовательные инновации. В таком формате назидание воспринимается как языковая игра между старшими и младшими: автор освобождает себя от морализаторства, серьезное подает через шутку, а наставление трансформирует в «наставку».

На глубинном уровне стихотворения проявляется его концептуально-философский смысл – это разговор-размышление о доле человека (*Да. Я о фатуме, конечно, повествую*. В. Коваль «Передряга»). Значение окказионализмов с учетом всех семантических нюансов было установлено для каждой строки поэтического текста, но для его целостного восприятия считаем целесообразным транспонировать стихотворение в его прозаический аналог, как писал М. Л. Гаспаров, «каждый поэтический текст имеет смысл, поддающийся пересказу» (2001, с. 180). Подобные опыты известны в исследовательской литературе (Степанов, 2014, с. 78-92). Однако такие пересказы, по признанию самих же интерпретаторов, никогда не передают полный смысл поэтического текста, так как любой прозаический вариант – это всего лишь внешнеудожественная сжатая проекция исходного поэтического материала, лишенная целостного эстетического впечатления. «Хорошо ли я пересказал эти стихи?» – спрашивал себя Ефим Григорьевич Эткинд, комментируя стихи А. С. Пушкина. И сам же отвечал: «Нет, очень скверно. Зачем мне в прозаическом рассуждении эти странные, наудачу выхваченные примеры с ветром, орлом, Дездемоной?» (Эткинд, 1970, с. 15).

В рамках нашего исследования применим данную процедуру (прозаический пересказ) как технически необходимый шаг, помогающий в интерпретации произведения. На наш взгляд, лучше всего содержание

стихотворения В. Ковалея смогут передать максимы с элементами комментария. Метафорической доминантой стихотворения будем считать переосмысление глагола *есть* 'питаться' как 'принимать (снедать), свою часть, долю, судьбу'. Такая версия принята нами по итогам лингвистического анализа окказионализмов и выхода в более широкий литературный контекст.

1. *Посади чад вокруг едалища*. Посади чад (обобщенно человека) вокруг места, за которым едят, или где находится то, что снедают, или вокруг того, что обладает большими размерами и способностью поглощать.

2. *Скажи: – Всю едовину не уешь. А она – тебя?* Скажи: – Все, что предназначено для того, чтобы вкусить, – не съешь (от жизни все не возьмешь, судьбу не переспоришь). А если сам станешь для нее пищей? (Смотри, чтобы жизнь не заела).

3. *Ответят: – Целует в уста, едовина ненасытная. Снедает, снедаема*. Ответят: – Просится в рот (манит), утроба ненасытная. Захватывает (увлекает), поедаемая (проживаемая) (Рок, фатум влечет человека).

4. *Каждому дай его едло, едолю его*. Каждому дай то, что он примет как пищу, то есть то, что ему причитается (часть, участь); или дай то, чем будет есть (расхлебывать).

5. *И неедальцам – также*. И дай тем, кто противится принять, буквально съесть причитающуюся ему часть (участь). Если захочешь уйти от судьбы как «неедалец», она все равно возьмет свое. Ср. у А. С. Пушкина: *И всюду страсти роковые, И от судеб защиты нет*.

Мы признаем, что представленная интерпретация не является единственно возможной, правильной, тем более совпадающей с авторским замыслом. Она может быть отвергнута и опровергнута, но и не следует считать ее принципиально ошибочной, ведь «основная цель поэтического текста – взаимодействие с воспринимающим субъектом, возможность проникнуть за границы другой субъективности – авторской» (Маслова, 2010, с. 327). Безусловно, в истолковании стихотворения присутствует субъективное восприятие, однако анализ поэтического текста осуществлялся с учетом всех возможных лингвистических и литературоведческих параметров. Как отмечает Т. В. Устинова, «личностные смыслы» <в толковании окказионализма> (добавлено автором. – Е. С.) не являются произвольными, они объективно ограничены языковой формой окказионализма (его внутренним словообразовательным контекстом и внешним контекстом словоупотребления)» (2023, с. 235).

Стихи Виктора Ковалея рассчитаны на звучание, звук и сам может выступать как смысл: *Чу, гук: выл вук. Кто выл? Вылк. Кто был? Бьлг*. Отрыв смысла от формы разрушает поэзию художественного произведения, лишена ее и наша прозаическая версия. Но каждый читатель и исследователь вправе понять и изучить правила игры автора: как сделано **его** слово, какой смысл за ним скрывается, и главное – *о чем это стихотворение?*

Заключение

Изучение окказиональной лексики в поэтическом тексте В. С. Ковалея с позиций структурно-семантического анализа позволило прийти к следующим выводам.

Словообразовательный и семантический анализ лексических окказионализмов показал, что данные слова в основном содержат узнаваемые морфемы и в некоторых случаях предполагают неоднозначность интерпретации дериватора и значения производного слова. В исследованном стихотворении только один пример – существительное *едоля* можно трактовать как «прямой чистый окказиональный способ словообразования» (Улукханов, 1996, с. 52). При этом важно отметить, что значения окказиональных единиц дополняются экспрессивной коннотацией.

Обращение к диалектным словарям выявило, что некоторые из авторских слов совпадают с реально зафиксированными единицами русских говоров, например существительное *едалище*, которое отмечено в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей». Данный факт заставляет задуматься о следующих вопросах: было ли знакомо автору диалектное слово или это результат его словотворчества? Почему в различных языковых стратах наблюдается подобное совпадение? В самых общих чертах ответ на последний вопрос может быть сформулирован следующим образом: словопроизводство в говорах, просторечии и в экспериментальном поэтическом тексте реализует то, что в литературном языке существует как потенциальная возможность или невозможность, при этом формальное совпадение слова в диалектах и в авторском тексте не свидетельствует о тождестве их значений.

Словообразовательная креативность стихотворения открывает различные пути его смысловой реконструкции. Прозаический парафраз поэтического текста использовался для установления смысловой связи между языковыми единицами словообразовательного гнезда с корнем *есть* в художественном пространстве стихотворения. Данный подход – прозаическое истолкование экспериментального текста с учетом лингвистических параметров – позволил избежать необъективных интерпретаций и вместе с тем открыл возможность для уточнений, дополнений или иного прочтения стихотворения. Показательно, что прозаический аналог стихотворения, помимо решения основных задач, показал, что сборник стихов В. С. Ковалея паремиилогичен по своей природе, поэтому исследуемый текст свободно передается через краткие общезначимые изречения поучительного характера, близкие к пословицам.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении фактического материала в изучении творчества В. С. Ковалея, в изучении динамических процессов в области окказионального словообразования, а также в исследовании окказионального слова в поэтической речи на фоне диалектных и реликтовых (исторических) языковых единиц.

Источники | References

1. Бабенко Н. Г. Грамматические окказионализмы в языке поэзии: проблемы интерпретации // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Вып. 19.
2. Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
3. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005.
4. Зубова Л. В. Грамматические вольности современной поэзии, 1950-2020. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
5. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект. Л.: Издательство Ленингр. ун-та, 1989.
6. Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
7. Ковалевич И. О. Окказионализм как художественный троп // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования – I: сборник научных статей I международной научно-практической интернет-конференции (3-17 декабря 2018 г.) / под ред. А. К. Шевцовой. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019.
8. Максимов В. И. Загадка суффикса -ин-а // Русская речь. 1969. № 1.
9. Маслова Ж. Н. Особенности формирования смысла поэтического текста // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 5 (85).
10. Радбиль Т. Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. Изд-е 2-е. М.: ЯСК, 2017.
11. Семеновская С. А. Динамика научного описания индивидуально-авторских неологизмов: от «нарушения» языковой системы к реализации ее потенциальных возможностей // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2.
12. Серегина Е. Е. «Что даха даст – то и взяха возьмет»: отглагольные субстантивы в русских говорах и современной поэзии // Русская речь. 2024. № 3.
13. Степанов А. Г. Стихотворение и его прозаический парафраз: семантические различия // Вестник Московского университета. Серия 9. «Филология». 2014. № 1.
14. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1996.
15. Устинова Т. В. Множественность интерпретаций окказионализмов с когнитивной точки зрения // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54).
16. Филипчик Ю. Р. Окказионализмы – ошибка или потенциал языка? // Норма и отклонение в литературе, языке и культуре: коллективная монография / отв. ред. Т. Е. Автухович. Гродно: ЮрСаПринт, 2021.
17. Эткин Е. Г. Разговор о стихах. М.: Дет. лит., 1970.
18. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Индрик, 2001.

Информация об авторах | Author information**RU****Серегина Елена Евгеньевна¹**, к. филол. н., доц.¹ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва**EN****Elena Evgenevna Seregina¹**, PhD¹ Saint Tikhon's Humanitarian Orthodox University, Moscow¹ anel1974@bk.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 01.10.2024; опубликовано online (published online): 14.11.2024.

Ключевые слова (keywords): Виктор Коваль; поэтический текст; окказионализмы; диалектная лексика; словообразование; Victor Koval; poetic text; occasionalisms; dialect vocabulary; word formation.